

ВЗЛЁТЫ — ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Я сбилась

с ритма

Декабрь. Мороз уже за «тридцать».
На окнах наледь. И темно.
В стакане красное с корицей
Слегка остывшее вино.
А в горле боль — какая мука!
И спать не хочется совсем.
Листаю «глянец», так, от скуки.
Часы показывают «семь».
Я сбилась с ритма. Ну и Бог с ним.
Зима разводит вся и всех.
Как тихо в мире. Хоть оглохни.
Не пить вино сегодня — грех.
Жизнь много проще, чем казалось.
Какой там Гегель, Ницше, Сартр...
От слов мудрёных — лишь усталость.
Пора спутить немного пар:
Врубить «Rammstein» на всю катушку,
Буянить, как бухой сосед,
Взрывать петарды и хлопушки,
Ведь за семь бед — один ответ.

* * *

В пустых, как даль, глазницах
Шуршит сухой песок.
Им мир зелёный снится,
Живой воды поток.
Им снится город белый
И горы до небес,
Тропа в разломах мела,
Высокий хвойный лес.
Но мёртвые костяшки
Ладоней ловят хвощ.
Над телом ангел падший
Раскрыл крыла, как ночь.
И нет ни звёзд на небе,
Ни солнца над землёй.
Блуждают ветры слепо,
Мешая прах с золой.
И лишь для змей раздолье.
Свист ветра, как факир,
Пускает зло на волю,
В ослепший тёмный мир.

* * *

Каждый любит себя, каждый слышит себя.
Жизнь — непрочный союз самолюбий.
А на улице ночь. И промозглый сентябрь
Ни на йоту теплу не уступит.
Смотрят в окна хвощи, динозавры хрипят,
Плachtet небо, шипит телевизор.
Каждый любит себя, каждый слышит себя
От момента рожденья до тризны.
«Кап и кап» — с веток падают капли дождя.
Спит в объятиях Дафниса Хлоя.
Каждый любит себя, каждый слышит себя
Даже если их только лишь двое.
На экране «BENQ» — Параджанов,
«Мольба»,
На FM — бесконечный Фоменко.
Каждый любит себя, каждый слышит себя,
Выбивая под ближним ступеньки.
Зря Архангелы в медные трубы трубят,
Не падут нерушимые стены.
Каждый любит себя,
каждый слышит себя.
«Эго» в памяти генов — нетленно.

Умри,
Кровавая Звезда!

Кровавый снег, кровавый снег
Прошёл по розовой весне.
И там, где лилии цвели,
Торчат осколки из земли.
А чёрный ельник над рекой
Безмолвно чит чужой покой.
И меркнет даже солнца свет
От горьких слёз, от тяжких бед.
И не избыть, и не забыть
Времени разорванную нить.
Распался мир на нижнем «до»,
Откуда не придёт никто.
Травую руки проросли,
И не узнать знакомых лиц.
Для всех у Марса равный ГОСТ,
И холмики, и море звёзд.
Разносит ветер звёздный звон:
Динь-динь, дон-дон,
день-динь, дон-дон.
Кровавых зорь кровавый свет
Густой росой блестит в траве.
Салюты, грозных пушек залп,
И майских птиц извечный гвалт —

Вера Алексеевна Сандрацких, жительница Metallургического района, бывшая сотрудница библиотеки профкома ЧМК. Окончила философский факультет Ленинградского государственного университета; аспирантуру по кафедре логики; двухгодичные курсы по истории русского искусства при Государственном Русском музее нынешнего Санкт-Петербурга. Преподавала в вузах России, Украины, Казахстана; работала экскурсоводом в Русском музее.

НАША СПРАВКА

Творчество Веры Алексеевны Сандрацких достаточно давно известно нашим постоянным читателям, но мало кто знает, что приехала она в Челябинск всего лишь 15 лет назад как вынужденная переселенка из Казахстана...

За это время было немало побед разного уровня. Назовём самые значимые с точки зрения самого автора. В 2003 году её стихи вошли в хрестоматию для старших классов «Литература России. Южный Урал». В 2006 году она занимает второе место в конкурсе поэзии, посвящённом 270-летию Челябинска. Ещё через три года на диске новых песен о нашем городе выходит произведение «Челябинск» на её стихи, а в 2011 году Вера Алексеевна становится лауреатом I городского Пушкинского фестиваля. Наконец, в том же 2011-м автор занимает третье место в международном поэтическом конкурсе «Золотая строфа».

Надо сказать, этих успехов Вера Сандрацких добивается практически при полном отсутствии условий для нормальной жизни и творчества, ибо восемь с половиной метров в общежитии коридорного типа посёлка Аэропорт никак нельзя назвать раем. Но несмотря на это и даже вопреки этому она успешно работает, и взлёты её — впечатляющи!

Ты, изящный и пучок нервный,
Напеваешь о пани Ирен
В позабытой сегодня манере,
Где и счастье, и томная лень.
Ты осколок ушедшего века,
Заблудился на стыке миров.
Твой Вертинский — неверная вежа,
Он — Душа, он — большая Любовь.
В мире ж ratio он — милый клоун.
Или так: атавизм, рудимент.
Но... прошу, спой, пожалуйста, снова
О Любви и о пани Ирен.

* * *

Э. Хемингуэю посвящается

Дождичек редкий и влажные крыши,
В дымке тумана огромные вязы.
Низкое небо над ранним Парижем,
И до рассвета не более часа.
С листьев стекают тяжёлые капли,
Гулко взрываясь, как мини-ракеты,
В лужах, блестящих от радужки масла.
В окна стучится предутренний ветер.
В воздухе плавают запахи кофейный,
Вкусно исходит корицей рогалик.
Мышцы объята истомой и ленью,
Как паутиной заржавленный садик.
Жаль, что так быстро закончилось лето,
Споры до хрипа, пирушки, веселье,
Сплетни о жизни богемы в газетах.
Поздняя осень — и все разлетелись.
Только белеет поодаль, в сторонке,
Кипа бумаги, готовая скоро
Радость мгновенья оставить потомкам,
Дух, обессмертивший время и город.

Девочка-грёза

Красное солнце на белой стене,
Медленно-медленно падает снег.
Тихо, пустынно и очень светло,
Мягкий морозец румянит стекло.
В дымке морозной два лёгких крыла,
Гибкие руки в тумане стекла,
Тоненький стан в невесомом шитье,
Ножки вот-вот закружат в фуэте.
Как ты попала в мой снежный январь,
Девочка-грёза, презрев календарь?
Может быть, в этом повинен Шопен,
Строгий Маэстро изысканных тем?
Старенький, виды выдавший, «Аккорд»
Звуки возносит в небесный простор.
Ах, мой заезженный хрупкий винил,
Чувства забытые ты пробудил.
Вместе с тобой я вернулась опять
В яркие дни, где хотелось летать,
Где голубые от звёзд января
Спать не давали до самой зари.
Было там море, и розовый снег,
Были прощания, но не навеки,
Флиртов невинность, кокетство, любовь,
Вера наивная в искренность слов.
Девочка-грёза...

Ты только лишь тень
Прошлого, как мой любимый Шопен.
Снам наяву ничего не вернуть,
Как не войти дважды в реку одну.

* * *

R.V.

Гудит метель. И в щели тёмных ставен
Влетает снег колючий и сухой,
Как будто Бог навеки мир оставил,
И нам дано жить с этою бедой.
Озябший клён стучит стеклянной веткой
В тугую дверь в надежде на тепло.
И в такт ему слегка звенят подвески
На старом бра чуть грустно и светло.
Большой камин — вот всё, что есть живого
В полночный час среди снегов и льда.
А рядом стол с салфеткой цвета крови,
На нём вино и вкусная еда.
Трещат дрова, мой дом отогревая.
Но в сердце боль ознобом: «Отпусти,
Лукавый град, из северного рая
Того, кто сбилась в сумерках с пути.
Верни его, холодный пышный город.
Не надо слов, банальных пошлых слов,
Потоков лжи, никчёмных глупых споров.
Верни его. Верни его любовь».
Как древний маг, под свист ветров колдуй,
Ловлю в ночи и самый малый шум.
Но порт в метель все Боинги минуют,
И, значит, зря опять к дверям спешу.

* * *

Вот опять по всем приметам
Зимний вечер на Земле,
Тихо кружится планета
В снежно-синей зыбкой мгле.
Вальс Шопена управляет,
Как искусственный дирижёр,
И туманной звёздной далью,
И ветрами старых гор.
Он сейчас совсем не в моде,
Только мир огромных звёзд
Просит Музыки сегодня
И роскошных знойных роз,
Что пылают ярче света
Зорь и праздничных огней
В стройной вазе в стиле ретро
На простуженном окне.
К стёклам льнут снежинки томно,
В иней кутается куст,
Треплет ветви белых клёнов
Ветер от избытка чувств.
Ни к чему в такой вот вечер
Слёзы воска в медном бра.
Я гашу витые свечи,
Как бывало уж не раз,
Чтобы, твой букет целуя,
В миг земного торжества
Спеть безмолвно «Аллилуйя!»
Дивной сказке Рождества.

* * *

Не в той ли полумгле зелёной,
Где вербы куст так серебрист,
Презрев запреты и каноны,
Наружу рвётся юный лист?
Не в той ли полумгле опасной,
Где вербы куст опять пушист,
Сдирает, как коросту, маску
С весны желанный клейкий лист?
Не в той ли полумгле, чуть пряной,
Где вербы куст, как свечка прям,
Гуляет дождик, точно пьяный,
И в клочья рвёт сырой туман?
Не в той ли полумгле?... — Сто тысяч
Вопросов. Но к чему, зачем,
Когда куст вербы снова дымчат
В преддверьи сказочных ночей;
Когда Страстная миновала,
И силой воскресенья спас
Нас Бог, чтоб всё начать сначала
И чисто спеть свой парафраз.

* * *

Какая прозрачная кожа
В рисунках из вен голубых.
Застелено брачное ложе
Пурпурным атласом судьбы.
Два локона — чёрный и белый —
Мерцают в сиянии луны.
Два юных роденовских тела
В объятиях ночных сплетены.
Ни зависть, ни грохот орудий
Не в силах два тела раззять.
Им Бог повелел в злые будни
Узоры из Света вплетать,
Чтоб жизнь не закончилась даже,
Когда грянет Армагеддон,
Чтоб Кони из дьявольской стражи
Не сделали Тьму — как Закон.

15

«ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕТАЛЛУРГ»
27 СЕНТЯБРЯ 2013 ГОДА